

Яков С. Друскин

ЛИПАВСКОМУ: ИССЛЕДОВАНИЕ УЖАСА

1. Ты проткнул яблоко иглой и неожиданно заметил: ты создал мир. В чем тут дело? Яблоко было миром. Это был свой мир. Действие, акт создало мир. Это два различных мира. Они на том же месте – яблоко, где лежало, там и лежит. По времени они рядом: ты только что проткнул его иглой. И все же это два различных мира. Я назвал такие миры соседними: они там же или почти там же и почти ничем не отличаются и все же совершенно различны, причем из одного мира в другой никак не попасть. Но новый мир не осуществился. Почему? Было ли вмешательство бесцельным или несовершенным?

2. И еще можно спросить: должен ли быть акт вмешательства целесообразным, чтобы мир осуществился, или это необязательно? В чем его совершенство? И не есть ли всякая целесообразность только наше представление о целесообразности, откуда нам знать абсолютную целесообразность? И не покажется ли нам абсолютная целесообразность скорее бессмыслицей и случаем? Но ты заговорил о желании быть всеми предметами и существованиями, ты пожелал перейти границу предметов и предметности, тогда перейдешь границу целей и целесообразности. Твой мир не осуществился, но не потому, что вмешательство было бесцельным.

3. Не случайно, проткнув иглой яблоко, сотворив соседний мир, ты вспомнил о встрече с Паном, о паническом ужасе. Нет сообщения между двумя мирами – этим и соседним. Это значит: ты не можешь соединить эти миры, быть здесь и там, быть между ними. Ты всегда в одном из них. В каком? В этом. В том мире, в каком ты есть, тот и будет этим. Но, может, ты то в этом, то в том и, т.к. между ними нет никакого сообщения, то ты не замечаешь, что только что был в этом, а сейчас уже в том. Ты был в этом, а сейчас в том и тот для тебя будет этим. Будучи там, ты никогда не узнаешь, что был в этом, а вернувшись сюда, никогда не узнаешь, что был там. Но, может, иногда вдруг мелькнет мысль: не был ли уже здесь раньше или: не там ли я, как попал сюда? Тогда – это встреча с Паном – панический ужас. Но мы упомянули время: был, будучи. Это надо пояснить. Здесь говорится о несообщающихся мирах. Такие миры не во времени, но время в мире, в каждом свое. Тогда только в отношении внутримирового времени будет раньше или позже, но оба мира друг к другу не раньше и не позже. Когда же? Должно быть сейчас: тогда же и там же.

4. Есть два способа исследовать вещи. Ты увидел мир – этот мир, и этот мир – не этот: не тот, что он есть, другой. Не выходя из своего мира, в его пределах ты хочешь увидеть тот. Но это невозможно. Миры не сообщаются, ты в этом мире или в том. Второй способ. Я увидел – этот мир, и этот мир – не этот; не тот, что он есть, другой. Я буду вне миров того и другого, я буду со стороны смотреть на них. Но это невозможно. Я буду в этом, в том или в другом мире – в каком-нибудь мире. Нельзя быть вне мира, только Бог вне мира. Я не могу в этом мире видеть, знать, подозревать другой мир, не могу быть в этом и в другом и не могу быть вне миров и все же подозреваю, знаю и вижу в этом мире – другой. Это апория мира – апория исследователя, помещенного в мир и погрешность мира.

Апория и погрешность мира.

Я вижу в этом мире другой, вижу этот мир и другой, хотя не могу видеть в этом мире другой и видеть этот мир и другой, т.к.

1. я или здесь, или там.
2. и не могу быть ни здесь, ни там.

Это можно сказать короче:
апория и погрешность мира.

Я вижу другое, хотя не могу видеть другого, т.к.

1. я или здесь или там.
2. и не могу быть не здесь, или там.

Первая часть апории – факт, вторая – опровержение, к нему два основания. Первый способ видеть противоречит первому основанию, второй – второму. Станут ли от этого способы видеть менее убедительны? Нет, если видишь, то видишь. Ты предпочитаешь первый способ, я – второй. На этот раз я последую за тобой по твоему пути.

Ты сказал: вода, твердая как камень, безразличная бескачественная стихия – вот основа мира, возвращение к ней источник страха, страшно потерять индивидуальность. Пусть так. Но не приятно ли засыпать? Не теряю ли индивидуальность при засыпании? В удовольствии любви и восхищении не теряю ли индивидуальность? Также в наслаждении, потеря индивидуальности не есть ли наслаждение? Но, может, различно понимается слово индивидуальность? В одном случае вижу неиндивидуальное и теряю свою индивидуальность, в другом вижу неиндивидуальное и сохраняю свою индивидуальность, в другом вижу индивидуальное и теряю свою индивидуальность, в другом вижу индивидуальное и не теряю свою индивидуальность. Но второй и четвертый случай сразу отбросим: если моей индивидуальности ничего не угрожает от индивидуального или неиндивидуального, то нет ни страха, ни наслаждения. Но между первым и третьим

случаем разница не в том, что грозит индивидуальности, нет, кажется, это безразлично. Вспомни:

Все, все что гибелью грозит
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья
Бессмертья может быть залог.

Ведь здесь говорится о стихии. Все же различие есть, только в другом. Но на этот раз я следую за тобою по твоему пути. Итак, страшно потерять индивидуальность; не страшно потерять индивидуальность.

5. Ты объяснил страх крови: страх неконцентрированной безличной жизни растения. У Уэльса поверхность луны каждый вечер замерзает, а утром снова оттаивает и за час – два вырастают громадные травы, цветы и грибы вышиной в человеческий рост и больше. Они растут на глазах. Должно быть, это страшно – страшно смотреть на это, положить руку на лист и чувствовать, как он растет. Ты назвал этот бурный рост травы неподвижным, т.к. не было событий, не возникает иллюзии происходящих событий, говоришь ты. Подобен этому и страх крови: кровь выходит из меня как красное растение. Пусть так. Но вот старый пример: деревья. Их вершины, колеблемые ветром, описывают совершенную и мудрую фигуру. В этом их мудрость и счастье. Подобны им вестники. Подобны им и прибрежные жители. Возможно, в их жизни нет событий, они почти освобождены от иллюзии происходящих событий, их жизнь определяет ритм моря и, я думаю, они счастливы, свобода от событий дает наслаждение, события несут страх. События ведут за собой время и страх. Итак, страшна жизнь без иллюзии событий, не страшна жизнь без иллюзии событий.

6. Тыходишь к пропасти, заглядываешь вниз, голова кружится, ты молча отходишь. Тыходишь по обрывкам мысли, замечаешь страшное и омерзительное, задаешь вопросы, иногда отвечаешь. Да, есть торжественное в некоторых явлениях природы, например, когда луна появляется из-за горизонта. Да, иногда кажется: сейчас выйдет хозяин мира. Но почему это кажется? Почему он не выходит? Что случилось, когда луна появилась из-за горизонта? Хотелось бы знать.

7. Ты доказал: страшно потерять индивидуальность, страшна стихия. Но можно привести пример обратному. Страшна жизнь без иллюзии событий. Но есть пример обратного. Может быть, доказательство неверно или обратное понимается в другом смысле? Нет, доказательство верно и обратное понимается в том же смысле.

Можно доказать обратное и привести противоречащие примеры и доказательство будет правильным, а обратное понимается в том же смысле.

Возьмем слова в более общем смысле и также обратное к ним: неприятное и приятное; страшное и отталкивающее и обратное: соблазнительное и притягивающее; несчастье и счастье. Мы говорили: наслаждение, счастье, но имели в виду соблазнительное и притягивающее, противоположное страшному. Может, здесь ошибка: неприятное не просто отсутствие приятного. В паре: несчастье-счастье может, первое счастье и, хоть и нет его – счастья, но в этом и несчастье. Может, все хорошо, но если нет счастья, то это несчастье.

Противоположное страшному будет не соблазнительное, а просто не-страшное. Как счастье, хоть и нет его, будет первым в своей паре, так и страшное в своей. А приятное и неприятное равны: не имеют преимущества. Теперь, исправив ошибку, спросим: может ли страшное быть соблазнительным, давать наслаждение? И ясно, что может. Может ли дать счастье? Не само по себе, не как страшное, но поскольку соблазнительно и дает наслаждение. Теперь введем еще пару: индивидуальное и безиндивидуальное можно понимать определенно, как стихия или просто как отсутствие индивидуального. Но, может, это одно, что же и понимается под стихией, как не отсутствие индивидуального? Но, может, и не одно, например, если есть третья между индивидуальным и безиндивидуальным, тогда пусть индивидуальное будет шире безиндивидуального. Теперь возьмем некоторое отношение между индивидуальным и безиндивидуальным, именно когда оно теряется в другом и обозначим так: И-Н и И-Б. Тогда увидим: в исследовании ужаса говорили об определенном отношении И-Б и оно страшно, хотя может быть соблазнительным и таить наслаждение. Страшное и соблазнительное не И и не Б, но их столкновение, потеря одного в другом. Но я нахожу другие случаи И-Б: страшно и не соблазнительно. В этом нет ничего удивительного, не всегда страшное соблазнительно. Другой случай: не страшно, но соблазнительно. Я нахожу здесь случаи И-Б, когда так соблазнительно, что уже не страшно. Но это не само по себе не страшно, а не страшно, потому что уже так соблазнительно. Например, если много и упорно думать о способе смерти через падение и полет, то станет нестрашным и соблазнительным, но само по себе страшно. Одно и то же это И-Б? Страшно оно или не страшно? Как это само по себе страшно, а в этом случае нестрашно? И что значит: отделить что-либо от него самого? Так вот, что касается И-Б. Но есть и другие случаи не страшного, но приятного, под И-Н они подходят, подходят ли под И-Б? Об этом ты ничего не говоришь, исследуя по первому способу, и я не знаю, можно ли это решить на твоём пути. Теперь же ты утверждаешь: страх не имя собирательное, но собственное. Так, но может два страха: один на твоём пути, другой на моем? И, может, их больше? Ты говоришь:

неверно, что гром страшен по одной причине, может, по другой, страх – один. Но, может, ты ограничил случай одним миром, а мы живем в двух или больше? И страшное страшно не внешним, но мыслью? Я нахожу соседний мир в себе самом. Пусть гром и мышь страшны одним. Но то мгновение прошло, сейчас другое. Гром и мышь снова страшны одним, но сейчас другое одно. Впрочем, есть и более определенное различие двух страхов, о нем я скажу дальше, а сейчас спрошу: на столе у меня ползает таракан. Я ощущаю еще некоторую неприятность, когда он приближается ко мне, но при внимательном рассмотрении неприязнь уменьшается: я нахожу его интересным и красивым, мне приятно было бы коснуться его, погладить по спинке, если бы только он не двигался – мне не нравится его походка. Впрочем, и этого я не могу сказать. Мне не хотелось бы, чтобы он полз по мне. Мне хотелось бы, чтобы между им и мною была граница, которой он не смог бы перейти. Но сейчас он уполз и от этого мне тоже немного страшно: он может подойти ко мне сзади, вообще так, что я не замечу. Если бы я был голый, страх был бы меньше: я бы всегда мог найти его, хотя бы на себе, а теперь он может на мне спрятаться. Так что не вокруг таракана, а вокруг себя самого я хотел бы провести границу, чтобы никто не мог ее перейти. Об этом я думал и в детстве. Вопросы: почему при внимательном рассматривании страх уменьшается, и появляется сочувствие? Если страшна походка таракана, то почему она не страшна, когда вокруг меня очерчен круг, который таракан не может переступить? Что значить этот круг? Нет ли двух страхов, ведь некоторым страшно вообще смотреть на таракана, другим же – только когда он переступит некоторый круг?

8. Мне хотелось бы обнажить твою интуицию. Я нахожу некоторый ритм в Исследовании Ужаса. Яблоко, которое ты проткнул иглой, навело тебя на мысль о соседнем мире. Это – первое вступление /1/. Второе вступление – о тропическом чувстве и о Пане /2-3/. Продолжение второго вступления – и о стихии и индивидуальности /4-5/. Гл. 6 включает вступление. Во вступлении дана интуиция - интуиция стихии и индивидуальности. Затем начинается разработка или проведение. После опровержения /7/ в гл. 8 – и о страхе консистенции, в гл. 9, 10 – о страхе формы и в гл. 11, 12 – о страхе движения. После эротического отступления /13/ раскрытие всей интуиции – гл. 14-16. Последняя глава не закончена.

Я хотел бы упомянуть о некоторой музыкальности Исследования Ужаса. Вступление – проведение – раскрытие. Это разделение не только внешнее. Во вступлении дана интуиция, проводимая во 2 части, наиболее обстоятельной. Но тему раскрытия я нахожу еще раньше уже в 8 главе: «во всяком живом существе скрыто нечто омерзительное». Гл. 14 раскрывает

эту мерзость. Но для этого потребовалось проведение. Тема его: пузырь, отросток, судорога.

14. Здесь говорится, как предстает нам жизнь и излагает нечто страшное. Я спрошу: что это за жизнь? Это не просто жизнь амебы или протоплазмы, какое мне до нее дело? Это жизнь во мне, поэтому и мерзко. Но теперь я спрошу: где во мне, в желудке, в сердце, в мускулах? Нет, и до этого мне нет дела. По-видимому, эта жизнь – в душе. Что значит в душе? В ощущении жизни. Ты сказал: страх объективен, он в самой протоплазме, в живой аморфной массе. Но живая аморфная масса только потому живая аморфная, что я ощущаю ее в себе. Некоторое явление – страх – объективировано, т.е. признано не моим свойством, но свойством самой вещи. Но сама эта вещь – только мое состояние – жизнь во мне, ощущения жизни. Я считаю это очень важным: многое, что считалось только субъективным, – объективно или, лучше, абсолютно. Но абсолютное не предметно, поэтому я и не нахожу его в предметах, значит, не нахожу его вне чего-либо и поэтому как бы в себе: в ощущении и мысли. Я упомянул здесь слово: мысль. Интуиция изложена словами, значит, это мысль; она освобождена от некоторой субъективности: ощущение считалось только субъективным. Показано, что ощущение независимо от того, кто ощущает. Не объект ощущения, но само ощущение независимо от того, кто ощущает, но объект – то именно и зависит, объект – сам ощущающий. Вывод: не я имею ощущение, в котором я имеюсь, буду думать об этом ощущении, в котором я имеюсь, буду думать и тогда, когда этого ощущения нет. Его нет для меня сейчас, но оно есть само по себе, тогда оно мыслимое ощущение. Поэтому и сказал: в ощущении и мысли.

15. Ты сказал: индивидуальный ритм всегда фальшив, он на поверхности. И даешь пример: вот друг. Он не тот; он – оборотень. В ощущении, в котором я имеюсь, я имеющийся – поверхность, фальш. Зачем же пример друга? Я сам – не тот, я оборотень. Здесь мы уже подходим совсем близко к некоторой другой интуиции. Не только во внешней аморфной жизни страшна аморфная жизнь во мне самом, но, может, и в оборотне, который стоит передо мною, страшен оборотень – я сам. Но ты взял пример: другие, ты ведешь к другому: страшно одиночество.

16. До сих пор я соглашался с тобой. Иногда я добавлял к твоим утверждениям противоречащие им, но я не намерен был опровергать их, я знаю – из двух противоречащих суждений могут быть оба истинны. Но теперь наступит расхождение.

Ты говоришь: в чувстве изоляции есть особая тоска полного и плотного охвата. Ты освободил страх от субъективности, а теперь снова переносишь

его в сферу субъективности, ты просто через образное выражение: «страх меня охватывает» переносишь сам страх. Не случайно добавляешь ты: погасание надежд. Я жду от тебя объяснения этого страха. Это не страх протоплазм, не страх пузыря, отrocka и судороги, не страх плотного охвата, но полной пустоты, страх точки, затерянной в мировом пространстве. Я назвал его и, должно быть, неудачно, но лучше не знаю как – мировой провинциализм. Я не знаю, как его назвать и не знаю, что это, потому что, когда это наступает, когда я его вижу, то становится так страшно, что я отворачиваюсь, стараюсь не видеть, не думать, мне кажется, его нельзя вынести.

Затем я не согласен с тобой, что чувства – единственно достоверное в мире. Мне кажется, что чувства это только некоторая уловка, чтобы уйти от того самого страшного, приманка, которую выставляет не знаю кто, чтобы уйти от того. Я не верю в чувства. Чувства это слабость.

Затем я не согласен с тем, что ты говоришь об индивидуальности и событий, но об этом в другой раз.

Еще я хотел сказать, что меня поразило и я задумался над началом фразы: «Другой человек разрывает одним своим присутствием...» Но что он разрывает, я не знаю, с охватом я ведь не согласен; и надо ли разрывать, я тоже не знаю. И ты мне этого не разъяснил.

Из 16 глав этого замечательного исследования последние три наиболее замечательны и страшны и из этих трех страшных наиболее страшна последняя. Но здесь ты остановился. Ты испугался последнего страха, соблазнился чувствами и отступил.

Добавление.

По поводу этого исследования у меня возникли некоторые мысли. Затем я прочел другую книгу, в которой говорилось о душе тела, и вспомнил это исследование. Здесь говорится о страхе, о телесном страхе. Но что тело и что душа? Материя – стихия, она индивидуализируется душой. Но с другой стороны душа скорее общее, тело индивидуализирует ее, она индивидуализируется, проявляя склонность в выборе тела, соприкасаясь с материей – стихией. В первом случае страх от живой индивидуализированной материи, во втором – от живой неиндивидуальной души, всегда: страх от живого, но не индивидуального. Таким образом, я обобщаю этот вывод. Но, может, апория неверна: что значит живая неиндивидуальная душа? Беспристрастная и бесстрастная, не имеющая склонностей. В этом много неясного, но я хотел здесь только указать на второй страх. В первом страх живой материальности, во втором – скорее живой нематериальности. Я назову это апорией страха:

Апория страха.

Если материальная стихия
индивидуализируется душой,

2

то страшна живая материя

1

неиндивидуализированная.

Если материальная стихия
индивидуализирует душу, то

страшна неиндивидуальная

душа, т.е. душа, оторванная
от своего тела.

В обоих случаях получается: страшно разъединение души и тела, страшно разъединение стихии и индивидуальности. Но это и есть смерть.

Здесь исследована смерть не прямо, а косвенно, на некоторых примерах. Взятые какие-то случаи, не имеющие отношения к смерти, и показано, что страшны они тем, что в исследуемых предметах имеются некоторые признаки жизни, а в других нет. Но отсутствие этих признаков, может, и есть смерть. Вряд ли смерть – полное уничтожение жизни или души, может быть, полное уничтожение было бы не страшным. Здесь имеется некоторое непонимание и страшное преобразование. Его находим и в том, что не умерло, и в жизни, и в себе самом, может, в каждом мгновении.

Я читал это в начале 50-х годов, а тогда и
раньше, когда еще не начался на выставке Л. Липавского: год
выставки к Л. С. и мистификации „ты“ не только мифологичны,
но и исследование ужаса, хотя и не закончено, но более целостное и
интересное, чем мистификации и мифологичны; сейчас бы в мистификации и
14 v 78. *Друскин*

Jakov Druskins Text „Lipavskomu: Issledovanie užasa“ wird hier erstmals veröffentlicht auf Grundlage der Handschrift und des Typoskripts, die in der Handschriftenabteilung der RNB (Russkaja Nacional'naja Biblioteka SPg.) unter Ф. 1232 *опись II Друскин ЯС. Ед. хр. № 152* «Липавский Леонид Савельевич. Исследование ужаса.» Комментарии Друскина к работе Липавского verwahrt werden. Lediglich Fehler, bei denen offensichtlich war, dass sie nicht der Intention des Autors entsprochen haben können, wurden berichtigt.

Die Herausgeberin dankt der RNB, vor allen Dingen aber Valerij Sažin, der die Publikation freundlich genehmigt hat.